

© 2013 г. А.П. ВЫДРИН

ДВЕ КОНСТРУКЦИИ ВОЗМОЖНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Статья посвящена рассмотрению двух неизвестных грамматикам модальных конструкций в литературном осетинском языке. Конструкции являются специализированными средствами выражения неэпистемической возможности; одна из конструкций выражает внутреннюю возможность, другая – внешнюю (в терминах работы [van der Auwera, Plungian 1998]).

В статье рассматриваются морфосинтаксис, семантика и происхождение конструкций, проводится сравнение осетинских конструкций с дативно-инфинитивной конструкцией в русском языке (*Вам не победить нашего чемпиона*). Типологическая ценность обнаруженных конструкций заключается в том, что они представляют собой уникальный внутри ирано-кавказского языкового ареала случай грамматического противопоставления значений внешней и внутренней возможности, противопоставления с помощью специализированных средств. Осетинские конструкции возможности позволяют на уровне грамматики обосновать выделение внутри зоны не-эпистемической возможности значений внутренней и внешней возможности.

Исследование проведено на материале Осетинского национального корпуса (www.corpus.ossetic-studies.org, 5 млн словоупотреблений на момент написания статьи), корпуса осетинских устных текстов (<http://ossetic-studies.org/ru/texts>, более 50 000 словоупотреблений), а также данных, полученных от носителей осетинского языка в период с 2008 по 2011 г.

Ключевые слова: иранские и кавказские языки, осетинский язык, ареальная типология, модальность

The article is a corpus-based study of two modal constructions in Iron Ossetic; both of them are not mentioned in standard grammars. One of the constructions conveys participant-external possibility and the other one – participant-internal possibility (in terms of [van der Auwera, Plungian 1998]). I examine morpho-syntactic and semantic peculiarities of the constructions and compare them to the Russian dative-infinitive construction. I also consider grammatical means for participant-external and participant-internal possibilities in other Caucasian and Iranian languages and propose grammaticalization paths of the Ossetic possibility constructions. The typological value of the discovered Ossetic constructions is a grammatical opposition of participant-internal possibility and participant-external possibility; a kind of opposition which to the best of my knowledge has not been attested in the typology of modality. The Ossetic possibility constructions support, on grammatical grounds, the division of non-epistemic possibility to participant-internal and participant-external possibilities, the division which, according to typological studies of modality, was first made mainly on semantic grounds.

Keywords: Iranian and Caucasian languages, Ossetic language, areal typology, modality

* Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РГНФ № 09-04-00168а, 09-04-00366а, 11-04-00179а, РФФИ № 11-06-00512а, а также Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика», проекты «Национальный корпус осетинского языка: расширение и развитие» и «Устный корпус основных диалектов современного осетинского языка».

Я благодарен В.А. Плунгяну, В.Ф. Выдрину и О.И. Беляеву, а также анонимному рецензенту за прочтение предварительных версий статьи и ценные замечания.

1. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА ВОЗМОЖНОСТИ

Возможность является одним из ключевых значений семантической зоны модальности. Как известно, существуют разные подходы к классификации основных модальных значений, ср., например, наиболее известные типологические работы по модальности [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001], см. также обзорные статьи [Nuyts 2005; 2006]. В настоящей работе я буду исходить главным образом из следующей классификации и терминов, предложенных Й. ван дер Ауверой и В. Плунгяном [van der Auwera, Plungian 1998]:

Modality: possibility and necessity

Possibility and necessity: non-epistemic and epistemic

Non-epistemic possibility: participant-internal and participant-external possibility (the latter has a special submeaning of deontic possibility)

Й. ван дер Аувера и В. Плунгян понимают модальность как обширную семантическую зону с двумя основными значениями: возможности и необходимости. Оба значения могут быть эпистемическими или не-эпистемическими (далее для не-эпистемической модальности я буду использовать термин «динамическая модальность»). Под эпистемической модальностью подразумевается оценка со стороны говорящего степени вероятности осуществления ситуации. В случае эпистемической возможности говорящий считает, что ситуация, описанная в предложении, возможна (например: *«Твой сын должен служить, возможно, когда-то он даже станет генералом»*, – сказал полковник и зачислил единственного сына расплакавшейся матери в военно-воздушные войска). В свою очередь, динамическая модальность никак не связана с оценкой говорящего и описывает внутренние свойства участников ситуации или внешние обстоятельства, делающие ситуацию возможной или необходимой. Динамическую возможность Й. ван дер Аувера и В. Плунгян разделяют на внутреннюю (participant-internal possibility) и внешнюю возможность (participant-external possibility); выделяется также подвид внешней возможности – деонтическая возможность. Внутренняя возможность выражает свойства контролирующего участника ситуации (как правило, субъекта), его умения, способности, физические возможности (например, *Этот шахматист настолько хорошо играет, что способен обыграть всех своих соперников*). Под внешней возможностью имеются в виду внешние обстоятельства, окружающая обстановка, моральные нормы, позволяющие контролирующему участнику ситуации (как правило, субъекту) осуществить ситуацию, описанную в предложении (например, *Пробок нет – мы можем доехать до дома всего за полчаса*). Частным значением внешней возможности является деонтическая возможность, которая определяется как позволение или запрет, исходящий от говорящего, обусловленный внешними обстоятельствами, обычно моральными или общественными нормами (например, *Здесь курить нельзя; Можете оставаться у меня, сколько хотите*).

В лингвистической литературе существуют также более дробные классификации значения возможности, подходящие для описания данных отдельных языков, однако не прошедшие типологическую апробацию (см., например, работу [Kiefer 1988], в которой рассматривается материал венгерского языка). В настоящей работе возможность будет разделяться только на динамическую (внутреннюю, внешнюю и частное значение внешней возможности – деонтическую возможность) и эпистемическую.

2. ДИНАМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В осетинском языке динамическая возможность может выражаться лексически, морфологически и синтаксически. Из лексических средств следует отметить модальные глаголы, среди которых наиболее употребительными являются следующие: *æмбæлын* (передает значение деонтической возможности), *фæразын* (внутренняя возможность), *арæхсын* (внутренняя возможность, умение), *зонын* (внутренняя возможность, умение),

бон уæвын (внутренняя возможность, внешняя возможность, деонтическая возможность, эпистемическая возможность). Ниже приводится пример¹ на употребление глаголов зонын и арæхсын:

- (1) Зон фысс-ын политикон темæ-т-ыл, спорт-ы тыххæй,
 знать.IMP.2SG писать.PRS-INF политический тема-PL-SUPER спорт-GEN о
 арæхс тæлмац кæн-ын-мæ...
 мочь.IMP.2SG перевод делать.PRS-INF-ALL
 ‘Умей писать на политические темы, о спорте, умей переводить’ (Мах дуг. 2004. № 3. С. 109).

Морфологическими средствами выражения динамической возможности в осетинском языке являются глагольно-именной суффикс -хъом и формы отдельных наклонений.

В специальных исследованиях модальности осетинского языка (например, [Техов 1970]) хъом упоминается только как составная часть сложного предиката хъом уæвын ‘быть в состоянии’ (хъом и глагол уæвын ‘быть’). Однако линейно-синтагматические свойства хъом показывают, что хъом не является отдельной лексемой (хъом лишен свойства автономности) и даже клиткой (хъом может быть ударным), а функционирует как отдельный суффикс. Ниже приводятся примеры на глагольное (2) и именное (3) употребление -хъом.

- (2) А-хæт-ын-хъом с-дæ, æмæ дæ
 PREF-отправляться.в.путь.PRS-INF-POT PREF-быть.PRS.2SG и POSS.2SG
 фæндæг-т-ыл фæсмон ма-куы фæ-кæн
 путь-PL-SUPER сожаление NEG-когда PREF-делать.IMP.2SG
 ‘Ты смог отправиться в путь, так никогда не сожалеешь о своих дорогах’ (Мах дуг. 2001. № 5. С. 130).

- (3) Ам уæлыгæс-хъом и
 здесь пастух.ягнят-рот EXT
 букв. ‘Здесь есть (кто-то) способный пасти ягнят’.

Нужно отметить, что при глагольном употреблении -хъом присоединяется к инфинитивной форме глагола, однако в случае сложного глагола (глагольно-именных словосочетаний, демонстрирующих большую степень акцентологического и морфосинтаксического единства, более подробно см. [Гращенков 2010; Выдрин 2011]) глагольная компонента в форме инфинитива может опускаться, тогда -хъом присоединяется к именной компоненте. Например, ба-ххуыс кæнын (PREF-помощь делать) ‘помогать’ – дынын ба-ххуыс-хъом дæ? (ты 1PL.ENCL.DAT PREF-помощь-POT быть.PRS.2SG) ‘ты в состоянии нам помочь?’.

Другими морфологическими средствами передачи значений внешней и внутренней возможности в осетинском языке являются формы будущего времени индикатива (внутренняя возможность (4)), а также формы императива (внешняя возможность (5)), оптатива (внутренняя возможность (6)) и контрафактива (внутренняя возможность (7), внешняя возможность (8)).

- (4) Æз с-ис-дзынæн фæндзай килограмм-ы
 я PREF-брать.PRS-FUT.1SG пятьдесят килограмм-GEN

¹ Примеры, цитирующиеся в статье и не имеющие ссылки на источник, собраны мной в ходе полевой работы в Республике Северная Осетия – Алания в 2008–2011 гг. Я благодарен Залине Дзуцевой, Ангелине Гусаловой, Мадине Дарчиевой, а также всем остальным информантам, с которыми работал. Полную ответственность за возможные неточности в осетинских примерах несет автор настоящей статьи.

‘Я подниму пятьдесят килограммов’ = ‘Я могу поднять пятьдесят килограммов’.

- (5) Ацы бынæ-тт-ы вæйй-ы уыйас зокъо-тæ æмæ дзы
этот место-PL- INESS бывать.PRS-PRS.3SG столько гриб-PL.NOM и 3PL.ENCL.
ABL
фæнд-ы сæдæ боцкъа-йы дæр ны-цæхджын кæн
хотеть.PRS-PRS.3SG сто бочка-GEN FOC PREF-соленый делать.IMP.2SG
‘В этих местах бывает столько грибов, что хоть сто бочек засаливай’ (= ‘можно засолить’).

- (6) Ды с-ис-ис сæдæ килæ-йы
ты PREF-брат. PRS-OPT.2SG сто килограмм-GEN
‘Ты [вообще] поднял бы сто килограммов?’

- (7) Ды с-ис-т-анс сæдæ килæ-йы
ты PREF-брат-TR-CNTRF.2SG сто килограмм-GEN
‘Ты поднял бы сто килограммов?’ (например, вчера на тренировке)

- (8) Мад æмæ ма йæ фыд а-гуыр-д-т-ой,
мать и EMPH POSS.3SG отец PREF-искать.PST-TR-PST.3PL
æмæ ма йæ кæцæй сс-ард-т-аиккой?
и EMPH 3SG.ENGL.GEN откуда PREF-находить.PST-TR-CNTRF.3PL

[Мальчика унес орел.] ‘Его мать и отец искали его, но откуда же они нашли бы его (букв. «как же они могли бы его найти»)?’ [Устный текст «Сказка про мальчика и орла», 10.1, <http://ossetic-studies.org/corpus/iron/boy-eagle-ru.pdf>].

Синтаксическими средствами выражения динамической возможности в осетинском языке являются специализированные конструкции внутренней и внешней возможности, одна из конструкций состоит из отглагольного имени на *-æн* и вспомогательного глагола (9), другая – из инфинитива, маркированного дативом, и вспомогательного глагола (10).

- (9) Мæнæн сæумæ-райсом нуаз-æн нæй
я.DAT утром-утро пить.PRS-NMLZ NEG.EXT
‘Мне по утрам пить нельзя’ (= ‘запрещено’) [Техов 1970: 81].

- (10) Кус-ын-æн дæн
работать.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG
‘Я могу работать’ = ‘Я в состоянии работать’.

В грамматиках осетинского языка [Шёгрэн 1844; Гагкаев 1952; Абаев 1959; Миллер 1962; Ахвледиани 1963; Бенвенист 1965 (Benveniste 1959); Багаев 1965] не упоминаются эти конструкции возможности. Однако у отглагольного имени на *-æн* (которое используется в конструкции внешней возможности) в качестве одного из значений отмечается ‘возможность’. Например, *а-цæу-æн* (PREF-идти.PRS-NMLZ) ‘возможность пройти’, от *а-цæу-ын* (PREF-идти.PRS-INF) ‘пройти’ [Абаев 1959: 111–112]. Конструкция внешней возможности упоминается в магистерской диссертации Б. Хеттич [Hettich 2002: 68–69]. Единственной известной мне работой, в которой рассматриваются обе конструкции возможности, является монография Ф.Д. Техова [1970: 80–83], где кратко описывается образование конструкций и приводится небольшое количество примеров. Тем не менее описание синтаксических свойств, семантики и происхождения этих конструкций остается за рамками исследования Ф.Д. Техова.

В следующих двух разделах будут рассмотрены особенности конструкций внешней и внутренней возможности.

3. КОНСТРУКЦИЯ ВНЕШНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Конструкция внешней возможности состоит из основы настоящего времени смыслового глагола, маркированной суффиксом *-æн*, и вспомогательного глагола *уæвын* 'быть' в форме 3sg, изменяющегося по временам и наклонениям; при этом принципал² маркируется дативом, например:

- (11) Бараташвили-йы хъомысджын курдиат-æн пассивон романтизм-ы
 Бараташвили-GEN мощный талант-DAT пассивный романтизм-GEN
 къуындæг фæлгæт-т-ы ба-цæу-æн нæ уыд
 тесный оправа-PL- PREF-идти.PRS-NMLZ NEG быть.PST.3SG
 INESS
 'Мощный талант Бараташвили не мог войти в тесные рамки пассивного романтизма'
 (Г.Г. Бестаев. Произведения. Т. 3. Владикавказ, 2004. С. 226).

Конструкция внешней возможности встречается как в текстах, так и в устной речи. Конструкция существует в обоих основных диалектах осетинского языка – иронском (который взят за основу литературной нормы) и дигорском. В настоящей статье я описываю свойства конструкции только в иронском диалекте, примеры ее употребления в дигорском диалекте см. в работе [Техов 1970: 81–82].

Вспомогательный глагол *уæвын* 'быть', помимо конструкции внешней возможности, может употребляться независимо, а также в других конструкциях с отглагольными дериватами: в конструкции внутренней возможности (конструкция будет описана в следующем разделе), в фацилитивно-дифицитивной конструкции (13), проспективной конструкции, а также в пассивных и модально-пассивных конструкциях. *Уæвын* в том числе используется при образовании имперсональных глаголов. Конструкции с *уæвын* 'быть' подробно описаны в работе [Выдрин 2011].

В конструкции внешней возможности в настоящем времени индикатива вместо *уæвын* может употребляться хабитуальный глагол *вæййын* 'бывать, случаться'³ (12). Употребление *вæййын* вместо *уæвын* связано с изменением аспектуально-темпоральной характеристики предложения.

- (12) Арæх нæ, фæлæ хатгай байхъусы «Голос Америкимæ», кæнæ «Немецкаæ волнамæ»
 нæхионтæ сын сæ ныхæстæ хæр-хæры, дзыгъал-мыгъулы бын фæкæнынц, фæлæ
 дзы уæддæр цыдæртæ равзарæн вæййы.
 'Немного, но иногда он слушает «Голос Америки» или «Немецкую волну»; наши
 глушат их, однако все-таки что-то обычно можно выбрать' (Б.М. Гусалов. И воз-
 дастся каждому. Владикавказ, 2003. С. 92).

- (12a) фæлæ дзы уæд-дæр цыдæр-тæ
 но 3PL.ENCL.ABL тогда-FOC что.TO-PL.NOM
 ра-взар-æн вæйй-ы
 PREF-выбирать.PRS-NMLZ бывать.PRS-PRS.3SG
 'но все-таки что-то обычно можно выбрать'

Вспомогательный глагол *уæвын* 'быть' в конструкции внешней возможности может изменяться по всем временам и наклонениям, кроме императива (по крайней мере, в нашем корпусе современных письменных текстов не обнаружилось ни одного примера на употребление конструкции внешней возможности в форме императива).

² Под принципалом имеется в виду «главный участник, “герой” события, который в первую очередь ответствен за то, что событие имеет место» [Кибрик 2005: 147] (орфография источника сохранена).

³ Этот глагол имеет только форму настоящего времени индикатива.

Суффикс *-æн*, участвующий в формировании конструкции внешней возможности, образует отглагольные имена, которые могут употребляться в функции определения, например *фысс-æн дзаума-тæ* ‘письменные принадлежности’ (писать.PRS-NMLZ вещь-PL.NOM), или в качестве субстантивированного имени, например *хиз-æн* ‘пастбище’ (пастить.PRS-NMLZ). Помимо конструкции внешней возможности, форма на *-æн* используется только в так называемой фацилитивно-дифицитивной конструкции (специальная конструкция со значением ‘трудно / легко сделать’, более подробно см. [Выдрин (в печати)]), которая состоит из лексем *зын* ‘трудный’ или *æнцон* ‘легкий’, деривата на *-æн* и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’, согласующегося в лице и числе с пациентивным участником; агентивный участник маркируется дативом, ср.:

- (13) [Уыдон] зын ахс-æн сты
они трудный ловить.PRS-NMLZ быть.PRS.3PL
‘Их сложно поймать’ (букв. «Они трудно ловящиеся есть»).

В осетинских грамматиках и исследованиях нет единого мнения относительно того, как называть форму на *-æн* (см. подробную дискуссию в диссертации Х.А. Таказова [Таказов 1992: 108–137]). Далее отглагольные формы с суффиксом *-æн* я буду называть отглагольным именем, а суффикс *-æн* условно глоссировать NMLZ.

Небезынтересна этимология суффикса *-æн*, который, с одной стороны, омонимичен показателю датива, а с другой стороны, сближается по своим функциям с показателем инфинитива *-ын*. Происхождение суффиксов *-æн* и *-ын* подробно обсуждается в диссертации Х.А. Таказова [Таказов 1992: 108–137]. Ссылаясь на В.Ф. Миллера [Миллер 1962] и Э. Бенвениста [Бенвенист 1965 (Benveniste 1959)], Х.А. Таказов возводит *-æн* (образующий отглагольные имена) к арийскому отглагольному суффиксу *-anā* (ср. авест. *-anā*, скр. *-anā*, хотаносакск. *-na* [Чёнг 2008: 188]), а *-ын* – к арийскому суффиксу *-ina*. Падежный показатель *-æн* М.И. Исаев [Исаев 1987: 587] возводит к «дательному падежу общеарийского указательного местоимения» (авест. *aēt*, др.-инд. *ayāt*). Д. Вебер [Weber 1981: 130–133] считает, что показатель датива в осетинском языке восходит скорее к местоименному окончанию инструменталиса **(a)na*. Однако, как отмечает О. Беляев [Belyaev 2010: 299] вслед за Дж. Чёнгом [Cheung 2008], образование датива от местоименного показателя инструменталиса сомнительно по функциональным причинам – у осетинского датива нет инструментального значения. Скорее, происхождение осетинского датива связано с послелогом **ana/u* [Ibid: 91].

Согласно грамматикам, датив, использующийся в конструкции внешней возможности, главным образом употребляется в осетинском языке для обозначения адресата, каузируемого (когда каузатив образуется от переходного глагола), посессора в конструкции с внешним посессором (например, *лæг-æн йæ куыст* (человек-ДАТ POSS.3SG работа) ‘работа человека’) и посессора в конструкции неотчуждаемой принадлежности (о неотчуждаемой и отчуждаемой принадлежности в осетинском см. работу [Belyaev 2010: 314–316]). Конструкция неотчуждаемой принадлежности будет важна для определения происхождения осетинских конструкций возможности (раздел 9). Рассмотрим кратко эту конструкцию (14).

- (14) Сымах ма мын уыдыстут,
вы EMPH 1SG.ENCL.DAT быть.PST.2PL
ныр та мын ничи-уал и
сейчас CONTR 1SG.ENCL.DAT никто-больше EXT
‘У меня были только вы, а теперь никого не осталось’.

Конструкция неотчуждаемой принадлежности состоит из посессора в дативе, обладаемого в номинативе, и глагола *уæвын* ‘быть’, который может согласоваться в лице и числе с обладаемым; в настоящем времени индикатива место *уæвын* обычно занимает экзистенциальная связка *и(с)*.

Датив может использоваться для передачи целевого значения в равносубъектной конструкции – датив в этом случае маркирует инфинитивную форму глагола, выражающего цель. Например:

- (15) Лæгъстæ кæн-ын-æн æгæр фæ-карджын дæ
 мольба делать.PRS-INF-DAT слишком PREF-пожилой быть.PRS.2SG
 ‘Ты слишком стар, чтобы упрашивать’ (С.М. Дегоева. Погасший луч солнца. Владикавказ, 2002. С. 219).

Датив также употребляется для выражения дистрибутивного значения. Например: *лæг-æн джиранка нæм хауд-ис* (человек-DAT фунт 1PL.ENCL.ALL падать.PST-PST.3SG) ‘каждому из нас досталось по фунту’ [Ахвледиани 1963: 97].

В конструкции внешней возможности могут использоваться как провербные, так и беспровербные, как простые (16), так и сложные (17), как переходные (19), так и непереходные (11) глаголы. Конструкция внешней возможности может употребляться также с каузативными глаголами (образуются аналитически, с помощью вспомогательного глагола *кæнын* ‘делать’) (18).

- (16) Вагæ-тт-ы мидæг-æй къахдзæф (ба)-кæн-æн
 вагон-PL-GEN внутрь-AVL шаг PREF-делать.PRS-NMLZ
 нал уыди
 больше.не быть.PST.3SG
 ‘В вагонах негде яблоку было упасть’ (букв. «Больше нельзя было пройти внутри вагонов»).

- (17) Вагæ-тт-ы мидæг-æй ба-[къахдзæф кæн]_{CP}-æн
 вагон-PL-GEN внутрь-AVL PREF-шаг делать.PRS-NMLZ
 нал уыди ;
 больше.не быть.PST.3SG
 ‘В вагонах негде яблоку было упасть’ (букв. «Больше нельзя было пройти внутри вагонов»).

- (18) Адæймадж-ы а-тæх-ын кæн-æн нæй
 человек-GEN PREF-летать.PRS-INF делать.PRS-NMLZ NEG.EXT
 ‘Человека невозможно заставить летать’.

- (19) Æнцон-æй йæ уыд а-мар-æн
 легкий-AVL 3SG.ENCL.GEN быть.PST.3SG PREF-убивать.PRS-NMLZ
 ‘Его легко можно было убить’ (Б. Гусалты. Тугдар æмæ тугагур. Дзæуджыхъæу, 2003. С. 61).

4. КОНСТРУКЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Для выражения внутренней возможности в осетинском языке может использоваться конструкция, состоящая из смыслового глагола в форме инфинитива, маркированного дативом, и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’, который согласуется с подлежащим в лице и числе. Вспомогательный глагол в конструкции внутренней возможности изменяется по всем лицам, числам, временам и наклонениям, включая императив. Приведем пример на употребление в этой конструкции вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’ в форме императива:

- (20) Уæ бæстæ-йæн лæггад кæн-ын-æн ут
 POSS.2PL страна-DAT служение делать.PRS-INF-DAT быть.IMP.2PL
 ‘Будьте всегда в состоянии служить своей стране’ (Мах дуг. 2002. № 1. С. 99).

Конструкция внутренней возможности обнаружена только в иронском диалекте осетинского языка. В письменном корпусе осетинского языка конструкция встречается редко. Согласно данным, собранным в ходе полевой работы, старшее поколение порождает конструкцию внутренней возможности без каких-либо затруднений, однако

некоторые носители осетинского языка, относящиеся к молодому поколению, не знакомы с этой конструкцией. При описании особенностей этой конструкции я опираюсь главным образом на полевой материал, собранный мной в селе Даргавс (Пригородный район Республики Северная Осетия–Алания) в 2008–2010 гг. Не все примеры с этой конструкцией, приводящиеся в статье, могут быть признаны грамматическими носителями других говоров осетинского языка.

Конструкция внутренней возможности, так же как и конструкция внешней возможности, не имеет формальных ограничений на образование от простых, сложных, беспревербных, превербных, переходных или непереходных глаголов. Приведем ниже пример на образование конструкции от переходного глагола:

- (21) Йæ-хи ны-хс-ын-æн,
 POSS.3SG-REFL.GEN PREF-мыть.PRS-INF-DAT
 йæ-хи ны-ссыгъдæг кæн-ын-æн дæр нæ-у
 POSS.3SG-REFL.GEN PREF-чистый делать.PRS-INF-DAT FOC NEG-быть.PRS.3SG
 ‘Он способен себя отмыть, но не может себя очистить’ (И. Айларов, Р. Гаджинова, Р. Кцоева. Пословицы. Владикавказ, 2005. С. 138).

Единственное обнаруженное ограничение на образование конструкции внутренней возможности связано с каузативами. При работе с нашим корпусом осетинских текстов, а также с носителями языка не было получено примеров не только на образование аналитического каузатива от конструкции внутренней возможности (‘Он заставил меня смочь говорить на суахили’), но и на образование конструкции внутренней возможности от каузативных глаголов (ср. русск. *Только он способен заставить его приходить вовремя*).

5. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КОНСТРУКЦИЕЙ ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ

5.1. Морфосинтаксические различия

Морфосинтаксически конструкции внешней и внутренней возможности различаются:

1. разными стратегиями оформления логического субъекта (датив в конструкции внешней возможности vs. номинатив в конструкции внутренней возможности);
2. разными стратегиями оформления смыслового глагола (отглагольная форма на -æн в конструкции внешней возможности vs. инфинитив, маркированный дативом, в конструкции внутренней возможности);
3. свойствами вспомогательного глагола (неизменяемая форма 3SG в конструкции внешней возможности vs. личная форма глагола, согласующаяся с подлежащим, в конструкции внешней возможности);
4. разными формами вспомогательного глагола в 3SG настоящего времени индикатива.

Свойства 1–3 упоминались уже в предыдущих разделах; свойство же 4 нуждается в пояснении. В конструкции внешней возможности в настоящем времени индикатива используется экзистенциальная связка *и(с)* (22), а в конструкции внутренней возможности – глагол *уæвын* ‘быть’ (23). Данное противопоставление сохраняется и при отрицании, ср. (23) и (24): в конструкции внутренней возможности (23) используется отрицание *нæ* и вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’, в конструкции же внешней возможности (24) используется форма *нæй*, которая представляет собой частицу отрицания *нæ* и экзистенциальную связку *и(с)* [Техов 1970: 170].

- (22) Уый та куыд ба-мбар-æн ис?
 он.GEN CONTR как PREF-понимать.PRS-NMLZ EXT
 ‘А это как понять?’ (= ‘Как это можно понять?’) (Ц.Х. Хамицаев. Пьесы. Владикавказ, 2003. С. 15).

- (23) Сашæ бæлас-мæ ‘с-быр-ын-æн у,
 Саша дерево-ALL PREF-ползать.PRS-INF-DAT быть.PRS.3SG
 Залинаæ та нæ-у
 Залина CONTR NEG-быть.PRS.3SG
 ‘Саша может залезть на дерево, а Залина – нет’.
- (24) Æнæ сылгоймаг-æй йын цæр-æн нæй
 без женщина-AVL 3SG.ENCL.DAT жить.PRS-NMLZ NEG.EXT
 ‘Ему нельзя жить без женщины’ (Мах дуг. 2001. № 4. С. 28).

5.2. Семантические различия

Две конструкции возможности противопоставлены по признаку «внутренняя возможность vs. внешняя возможность». Приведем пример, где допустима только конструкция внутренней возможности:

- (25) Æз æнæ къæх-т-æй цæу-ын-æн нæ дæн
 я без нога-PL-AVL идти.PRS-INF-DAT NEG быть.PRS.1SG
 ‘Я не могу ходить без ног’.
- (26) ??Æнæ къæх-т-æй мæнæн цæу-æн нæй
 без нога-PL-AVL я.DAT идти.PRS-DAT NEG.EXT
 ‘??Мне нельзя ходить без ног’.

Конструкция с отглагольным именем на -æн обычно передает частное значение внешней возможности, а именно деонтическую возможность.

- (27) Ардæм цæу-æн нæй
 сюда идти.PRS-NMLZ NEG.EXT
 ‘Вход воспрещен’ (надпись на ограде одного из госучреждений во Владикавказе).

Данная конструкция также может передавать более общее значение внешней возможности. Например:

- (28) Уырдаæм мæнæн куыдæй ба-хау-æн ис?
 туда я.DAT каким.образом PREF-падать.PRS-NMLZ EXT
 ‘Как мне туда попасть?’ (букв. «Каким образом я могу туда попасть?»)

Конструкция с инфинитивом, маркированным дативом, используется для выражения значения внутренней возможности, физической способности совершить действие, ср.:

- (29) Уыд саст мæ базыр,
 быть.PST.3SG ломать.PART.PST POSS.1SG крыло
 нал уыдтæн тæх-ын-æн
 больше.не быть.PST.1SG летать.PRS-INF-DAT
 ‘Мое крыло было сломано, я не мог больше летать’ (Мах дуг. 2001. № 3. С. 61).

Данная конструкция не может передавать значение умения. Ср.:

- (30) Саня зон-ы ирон-ау кæс-ын
 Саня знать.PRS-PRS.3SG осетинский-EQU читать.PRS-INF
 ‘Саня умеет читать по-осетински’.

- (31) *Саня ирон-ау кæс-ын-æн у
 Саня осетинский-EQU читать.PRS-INF-DAT быть.PRS.3SG

Последний пример можно употребить только без обстоятельства *иронау* ‘по-осетински’ и только в том случае, если ‘читать’ интерпретируется как физическая возможность, например, в таком контексте: ‘Санины глаза уже слипались, однако он все еще был в состоянии читать’.

Ср. также следующую пару примеров.

- (32) Æз зон-ын шахмæтт-æй хъаз-ын
 я знать.PRS-PRS.1SG шахматы-AVL играть.PRS-INF
 ‘Я умею играть в шахматы’.

- (33) Æз шахмæтт-æй хъаз-ын-æн дæн
 я шахматы-AVL играть.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG
 ‘Я могу играть в шахматы’ (= у меня есть силы, чтобы играть в шахматы; я могу передвигать фигуры).

6. КОНСТРУКЦИИ ВОЗМОЖНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ VS. ДАТИВНО-ИНФИНИТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В РУССКОМ

Рассматриваемые конструкции осетинского языка в некотором роде напоминают дативно-инфинитивную конструкцию русского языка, которая также может выражать значение возможности (например, *И рыбак оставил лодку и проник в эту пещеру, вначале такую узкую, что едва пройти человеку*). В настоящем разделе будет проведено сравнение синтаксических и семантических свойств осетинских конструкций возможности с дативно-инфинитивной конструкцией русского языка. Данные, касающиеся свойств русской дативно-инфинитивной конструкции, взяты в основном из работы [Fortuin 2005]⁴.

Среди синтаксических свойств дативно-инфинитивной конструкции в русском языке Э. Фортейн отмечает способность конструкции употребляться как в утвердительных, так и в вопросительных предложениях, способность употребляться с наречиями или частицами, способность употребляться в придаточном предложении, в контрастивных предложениях, а также возможность опущения составных элементов дативно-инфинитивной конструкции. Ниже будет показано, что конструкции возможности в осетинском языке обладают всеми перечисленными свойствами дативно-инфинитивной конструкции в русском языке.

6.1. Употребление в вопросительных предложениях

Как и русская дативно-инфинитивная конструкция (например, *Как мне туда попасть?*), обе конструкции возможности осетинского языка могут употребляться и в асертивных, и в интеррогативных предложениях. Примеры употребления конструкций возможности в интеррогативных предложениях см. ниже.

Частный вопрос

Конструкция внешней возможности

- (34) Уæд ма хъомысджын цæнг-тæ æмæ бæзджын сыфтæр-æй æнгом
 тогда EMPH могучий рука-PL.NOM и густой листва-AVL плотный
 æмбæрзт бæлас-æй та цы зæгъ-æн ис?
 закрывать.PART.PST дерево-AVL CONTR что говорить.PRS-NMLZ EXT
 ‘Что еще тогда можно сказать о дереве с могучими ветвями, плотно покрытом густой листвой?’ (Мах дуг. 2004. № 8. С. 126).

⁴ Более подробно про дативно-инфинитивную конструкцию в русском см. в следующих работах: [Rubinstein 1986; Maurice 1995; 1996; Fortuin 2000; Бонч-Осмоловская 2003].

Конструкция внутренней возможности

- (35) Цас килограмм-ы с-ис-ын-æн у?
сколько килограмм-GEN PREF-брать.PRS-INF-DAT быть.PRS.3SG
'Сколько килограммов он в состоянии поднять?'

Общий вопрос

Конструкция внешней возможности

- (36) Демæ а-ныхас кæн-æн ис?
ты.COM PREF-слово делать.PRS-NMLZ EXT
'Можно с тобой поговорить?' (С. Кайтов. Осетинская мелодия. Владикавказ, 2006. С. 352).

Конструкция внутренней возможности

- (37) Ды с-ис-ын-æн дæ фæндзай килограмм-ы?
ты PREF-брать.PRS-INF-DAT быть.PRS.2SG пятьдесят килограмм-GEN
'Ты можешь поднять пятьдесят килограммов?'

6.2. Употребление с наречиями

Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке может употребляться с разными наречиями и частицами (*Тротуары так узки, что одному только человеку пройти*). Конструкции возможности в осетинском языке также могут употребляться с наречиями и частицами. Однако у конструкции внутренней возможности обнаружен запрет на употребление с наречием *зынтæй* 'трудно, с трудом', который объясняется семантическими причинами: употребление такого наречия предполагает, что агентивный участник не всегда, когда хочет, может осуществить действие. Ср. примеры ниже с наречием *зынтæй* 'трудно'.

Конструкция внешней возможности

- (38) Фыд-ы цырт фæ-тар, йæ фыст-ыт-æн
отец-GEN надгробный.камень PREF-темный POSS.3SG надпись-PL-DAT
ба-кæс-æн зын-т-æй ис
PREF-читать.PRS-NMLZ трудность-PL-ABL EXT
'Могила отца потемнела, надписи с трудом читаются' (Мах дуг. 2002. № 10. С. 75).

Конструкция внутренней возможности

- (39) *Сашæ бæлас-мæ зын-т-æй 'с-быр-ын-æн у
Саша дерево-ALL трудность-PL-ABL PREF-ползать.PRS-INF-DAT быть.PRS.3SG
Ожидаемый перевод: 'Саша с трудом может залезть на дерево'.

6.3. Употребление в придаточном

Дативно-инфинитивная конструкция в русском языке может употребляться в придаточном предложении (*Обычно, чтобы мне понять смысл стиха, я читаю его несколько раз*). В осетинском языке этим свойством обладают обе конструкции возможности, см. примеры ниже.

Конструкция внутренней возможности

- (40) Цæмæй бæлас-мæ с-хиз-ын-æн уай уый тыххæй хъуамæ
 чтобы дерево-ALL PREF-лезть-INF-DAT быть.CONJ.2SG 3SG.GEN из.за нужно
 уай хъæддых æмæ сæрæн
 быть.CONJ.2SG сильный и ловкий
 ‘Чтобы ты смог залезть на дерево, тебе нужно быть сильным и ловким’.

Конструкция внешней возможности

- (41) Цæмæй бæлас-мæ с-хиз-æн уа уый тыххæй
 чтобы дерево-ALL PREF-лезть.PRS-NMLZ быть.CONJ.3SG 3SG.GEN из.за
 хъæу-ы асин
 быть.нужным.PRS-PRS.3SG лестница
 ‘Чтобы залезть на дерево, нужна лестница’.

6.4. Контрастивные предложения

Так же как и дативно-инфинитивная конструкция в русском языке (*Пете залезть на дерево, а Мише – нет*⁵), обе конструкции возможности в осетинском языке могут употребляться в контрастивных предложениях, см. примеры ниже.

Конструкция внутренней возможности

- (42) Сашæ бæлас-мæ ‘с-быр-ын-æн у, Залинаæ та нæ-у
 Саша дерево-ALL PREF-лезть-INF-DAT быть.PRS.3SG Залина CONTR NEG-быть.PRS.3SG
 ‘Саша может залезть на дерево, а Залина – нет’.

Конструкция внешней возможности

- (43) Уымæн ис дым-æн, дæуæн та нæй
 он.DAT EXT курить.PRS-NMLZ ты.DAT CONTR NEG.EXT
 ‘Ему можно курить, а тебе – нет’.

6.5. Возможность эллипсиса

Э. Фортейн отмечает, что в дативно-инфинитивной конструкции возможно опущение не только субъекта (*Тут не пройти*), но и инфинитива (*Эх... мне бы на спектакль*) [Fortuin 2005: 43].

В осетинском языке эллипсис эксплицитно выраженного логического субъекта возможен в обеих конструкциях возможности. Хотя нужно заметить, что если при опущении логического субъекта в конструкции внешней возможности (где вспомогательный глагол всегда находится в форме 3SG) предложение становится безличным, то при опущении эксплицитно выраженного подлежащего в конструкции внутренней возможности (где вспомогательный глагол согласуется с подлежащим в лице и числе) значение конструкции не меняется. Ср. примеры:

- (44) Ам дым-æн нæй
 тут курить.PRS-NMLZ NEG.EXT
 ‘Тут курить нельзя’.

- (45) Нал ба-сур-ын-æн дæн, нал — ра-сур-ын-æн.
 больше.не PREF-гнать.PRS-INF-DAT быть.PRS.1SG больше.не PREF-гнать.PRS-INF-DAT
 ‘Не могу больше ни догнать, ни погнаться’ (Мах дуг. 2004. № 8. С. 33).

⁵ Пример из работы [Fortuin 2005: 51].

В конструкции внутренней возможности возможно опущение вспомогательного глагола, например:

- (46) *Æмæ уыцы æрдуз-ы та дугъысыф арæх у, хъæдгом*
и тот лужайка-INESS CONTR подорожник много быть.PRS.3SG рана
с-сыгъдæг кæн-ын-æн диссаг, мæ-хиуыл æй
PREF-чистый делать.PRS-INF-DAT чудо POSS.1SG-REFL.SUPER 3SG.ENCL.GEN
ба-фæлвæрд-т-он
PREF-испытывать.PST-TR-PST.1SG
 'На той лужайке много подорожника, он может чудесно очищать рану, я на себе испробовал' (Н.Г. Джусойты. Слезы Сырдона. 2004. С. 105).

В обеих конструкциях возможности возможен эллипсис смыслового глагола. См. примеры: конструкция внутренней возможности (42), конструкция внешней возможности (47).

- (47) [Аслан выглядывает из-за двери и произносит:] – 'Можно мне войти?' (*Ба-цæу-æн мын ис?* *PREF-идти.PRS-NMLZ 1SG.ENCL.DAT EXT*).
 Преподаватель отвечает: – 'Можно' (*Ис EXT*).
 Через несколько секунд из-за двери высовывается Зелим и говорит: – 'А мне можно?' (*Мæнæн дæр ис?* *я.DAT FOC EXT*)

Таким образом, если в конструкции внутренней возможности может опускаться каждый из составляющих элементов, в конструкции внешней возможности не может опускаться только вспомогательный глагол.

6.6. Семантика конструкций

Семантически конструкции возможности осетинского языка имеют более специализированное значение, чем дативно-инфинитивная конструкция в русском, которая, помимо возможности, может передавать значение желания и пожелания (*Мне бы только смотреть на тебя; Расту ему большим и здоровым!*). В то же время значение возможности у дативно-инфинитивной конструкции практически всегда возникает только при наличии отрицания. В осетинском языке употребление отрицания необязательно в конструкциях возможности (хотя и отмечается бóльшая частотность употребления конструкции со значением внешней возможности в отрицательных контекстах).

6.7. Основные различия между конструкциями возможности в осетинском и дативно-инфинитивной конструкцией в русском

Как было показано выше, конструкции внешней и внутренней возможности осетинского языка могут употребляться в вопросительных предложениях, с наречиями, в придаточных и в контрастивных предложениях. В конструкции внутренней возможности могут опускаться любые составляющие элементы, в конструкции внешней возможности не может опускаться только вспомогательный глагол. Таким образом, конструкции возможности осетинского языка обладают теми же синтаксическими свойствами, которые были ранее выделены у дативно-инфинитивной конструкции в русском языке.

Семантически конструкции возможности в осетинском языке имеют более специализированное значение, чем дативно-инфинитивная конструкция в русском.

7. ТИПОЛОГИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Динамическая возможность, как правило, выражается в языках мира лексически [Bybee et al. 1994], однако встречаются случаи и морфологического выражения данного модального значения. Насколько можно судить по имеющимся типологическим исследованиям динамической возможности (см., прежде всего, такие работы, как [Bybee et al. 1994; van der Auwera, Plungian 1998; Palmer 2001; Traugott 2006]), значения внутренней и внешней возможности могут противопоставляться в конкретном языке только следующими способами:

а) лексически (с помощью различных модальных предикатов; ср. противопоставление *мочь* и *можно* в русском языке, где *можно* выражает только внешнюю возможность, а *мочь* – внутреннюю и внешнюю),

б) лексически и морфологически: например, может существовать модальный глагол для выражения внутренней возможности и морфологический показатель для внешней (подобная ситуация наблюдается в венгерском языке, см. [Kiefer 1981]),

в) не противопоставляться вовсе: например, оба значения выражаются одним морфологическим показателем или одной грамматической конструкцией (такая ситуация наблюдается, в частности, в согдийском (восточноиранский, мертвый)).

Рассмотрим названные стратегии противопоставления внутренней и внешней возможности более подробно.

7.1. Лексическое противопоставление внутренней и внешней возможности

В случае лексической стратегии противопоставления основных значений динамической возможности, как правило, один из модальных глаголов употребляется только для выражения одного из значений, а другой – для выражения обоих. Например, в языке дари (югозападноиранский) глагол *šodan* (основное значение данного глагола – ‘делаться, становиться’) в значении возможности выражает только внешнюю возможность, ср. (здесь и далее глоссы в примерах мои):

- (48) *xolâse padar râ ba-âsâni mêšaw-ad gôl zad*
короче отец RA⁶ PREP-легкость делаться.PRS-3SG обман бить.PART
‘Короче говоря, отца легко можно обмануть’ [Островский 2008: 144].

Глагол *tawânestan* ‘мочь’ выражает как внутреннюю возможность (49), так и внешнюю (50).

- (49) *âx pâu-em! Xêšta na-mêtân-am*
ой нога-1SG подниматься.PART.PST NEG-мочь.PRS-1SG
‘Ой, моя нога! Не могу встать’ [Островский 2008: 103].

- (50) *emšab šab-e ‘arôsi-ye Nağma ast wa ô*
сегодня.вечером вечер-EZF свадьба-EZF Нагма быть.PRS.3SG и он/она
mêtawân-ad emrôz andak-ê bêštar esterâhat kon-ad
мочь.PRS-3SG сегодня немного-ê⁷ больше отдых делать.SUBJ-3SG
‘Вечером свадьба Нагмы, и сегодня она может (т. е. ей можно, я ей разрешаю) полежать (в постели) немного дольше’ [Там же].

Другим примером лексического противопоставления значений внутренней и внешней возможностей является осетинский язык, где модальный глагол *æмбæлын* употреб-

⁶ Послелог, сфера употребления которого связана, прежде всего, с сильнореферентными прямыми и косвенными объектами.

⁷ Специальный показатель детерминации.

ляется только в значении внешней возможности (51)⁸, а глагол *арæхсын* в модальном значении выражает только внутреннюю возможность (1). Однако при этом у глагола *арæхсын* отмечаются другие, немодальные значения ('подходить, соответствовать' и 'справляться').

- (51) Мæнæн æмбæл-ы ба-цæу-ын? – Табуафси, мидаæмæ!
 я.DAT мочь.PRS-PRS.3SG PREF-идти.PRS-INF пожалуйста внутрь
 'Мне можно войти? – Пожалуйста, заходи!'

7.2. Лексико-морфологическое противопоставление внутренней и внешней возможности

Лексико-морфологическое противопоставление разных значений динамической возможности отмечается в венгерском языке, где модальный глагол (*tud* 'знать, быть в состоянии') используется для выражения внутренней возможности, а морфологический показатель (*-hat/-het*) – для выражения внешней⁹ [Kiefer 1981; 1988]. Например:

- (52) Anna tud zongorázni
 Ann be.able.to play.the.piano
 'Ann can play the piano' [Kiefer 1988: 393].

- (53) Ann zongoráz-hat
 Ann play.the.piano-POT
 'Ann may play the piano' [Ibid.].

7.3. Отсутствие противопоставления значений внутренней и внешней возможности

Возможна ситуация, когда в языке и внешняя, и внутренняя возможность выражаются одним и тем же морфологическим показателем или одной и той же грамматической конструкцией. Например, в согдийском разные значения динамической возможности передаются так называемыми «потенциальными формами» и не существует (по крайней мере до сих пор не было обнаружено) модальных глаголов со значением возможности [Benveniste 1954: 66].

Потенциальные формы образовывались в согдийском путем сочетания основ прошедшего времени смыслового глагола и вспомогательных глаголов *kwn-/wn-* 'делать' (при переходных глаголах) или *βw-* 'становиться, быть' (при непереходных глаголах или при переходных глаголах в пассивном значении); вспомогательный глагол согласовывался с подлежащим и изменялся по лицам, числам, временам и наклонениям [Gershevitch 1961 (1954): 130–135; Sims-Williams 2007]. «При этом легкие основы (у смысловых глаголов) получают суф. -' или -w (в буддийских текстах -' и -w, причем чаще -w, в христианских и манихейских отмечен только -'), тяжелые основы обычно не получают никакого дополнительного оформления» [Лившиц, Хромов 1981: 499–500]¹⁰;

⁸ В словарях осетинского языка (например, [Гуриев 2004: 86–87]) у глагола *æмбæлын* помимо модального значения выделяются также немодальные ('встречать', 'встречаться'; 'сталкиваться'; 'случаться'; 'причитаться, следовать (о деньгах)'; 'попадать в цель'). Однако разные морфосинтаксические свойства *æмбæлын* в модальном и немодальных значениях, а также отсутствие семантической связи между модальным и немодальными значениями позволяют считать, что в осетинском языке существует два омонимичных глагола — *æмбæлын1* с немодальными значениями и *æмбæлын2* с модальным значением внешней возможности (более подробно см. работу [Выдрин 2011]).

⁹ Хотя в некоторых периферийных случаях возможно употребление глагола *tud* в значении внешней возможности. Об этом см. в [Kiefer 1988: 421].

¹⁰ Выделение легких и тяжелых основ в согдийском языке объясняется ритмическим законом. С некоторыми оговорками (с которыми читатель может ознакомиться в согдийской грамматике [Gershevitch 1961 (1954)]) ритмический закон можно сформулировать следующим образом: «stems with not more than one brief vowel (not counting prothetic or svarabhakti vowels) are light,

см. также работу [Исхаков 1977]. Ср. примеры ниже, где потенциальные формы выделены полужирным; первый пример выражает скорее внутреннюю возможность, а второй – внешнюю (гlossы в примерах мои):

согд. будд.

- (54) L' **'nx'št** L' ZY **nyst-w** **β-'m**
 NEG встать.PST NEG и сесть.PST-POT быть.PRS-PRS.1SG
 'I can neither get up nor sit down' [Sims-Williams 2007: 378].

- (55) 'rty 'yw w'tδ'r w'n'kw L' **βyrt** **β-'y**
 и один дыхание такой NEG находить.PST быть.PRS-PRS.3SG
 ZKZY γnδ'nyw m'twh 'WZY 'By' L' wm't-'y
 который другой мать или отец NEG быть-IRR.2.3SG
 'and such beings are not to be found, who were not mothers or fathers (etc.) to someone else' [Gershevitch 1961 (1954): 123].

7.4. Грамматическое противопоставление внутренней и внешней возможности

В лингвистической типологии до настоящего времени не была отмечена ситуация, когда и внутренняя, и внешняя возможность выражались бы морфологически или с помощью конструкций, при этом разными специализированными морфологическими показателями или разными специализированными конструкциями. Тем не менее такой способ выражения возможности теоретически не исключен, и именно он обнаружен в осетинском языке, где, как было показано выше, одна из модальных конструкций, описанных в настоящей статье, используется только для выражения внешней возможности, а другая – для выражения внутренней. Обнаруженные конструкции возможности являются важной находкой для типологии модальности, так как позволяют на уровне грамматики обосновать выделение внутри динамической возможности значений внутренней и внешней возможности.

В следующем разделе будут рассмотрены способы выражения возможности в ареально (кавказские языки) и генетически (иранские языки) близких к осетинскому языкам и выдвинута гипотеза о происхождении осетинских конструкций возможности.

8. ДИНАМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ В ДРУГИХ ИРАНСКИХ И КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

В ходе рассмотрения различных стратегий выражения внешней и внутренней возможности в языках, ареально (абхазо-адыгские, нахские, картвельские, тюркские языки) и генетически (восточноиранские и западноиранские языки, как современные, так и мертвые) близких к осетинскому, не было обнаружено языка, обладающего двумя специализированными грамматическими показателями или конструкциями, употребление одной из которых было бы связано только со значением внутренней возможности, а другой – со значением внешней возможности. Однако рассмотренный материал помог выдвинуть гипотезу о происхождении конструкций возможности в осетинском языке.

8.1. Иранские и тюркские языки

Большинство иранских и тюркских языков для выражения значения возможности используют главным образом лексические средства (модальные глаголы). См. выше примеры из языка дари (48)–(50).

except when this vowel is *in positione*, viz. followed by *mb*, *x^w*, or by a group of consonants beginning with *n* or *r*; all other stems are heavy. Heavy stems lose their vocalic endings, while light stems preserve them» [Gershevitch 1961 (1954): 72].

8.2. Восточноиранские языки

Во многих восточноиранских языках среднеиранского периода отмечается аналитическая стратегия выражения возможности. Например, хотаносакский, хорезмийский и согдийский обладали отдельной конструкцией со значением возможности, состоящей из отглагольного деривата (обычно из причастия прошедшего времени) и вспомогательного глагола. Подлежащее находится в номинативе, вспомогательный глагол изменяется по лицам, числам, временам и наклонениям. В качестве вспомогательных используются глаголы со значением 'делать', 'становиться', 'быть'. Например, в хотаносакском существовала конструкция возможности, состоящая из причастия прошедшего времени (которое совпадало по форме с основой прошедшего времени) и вспомогательного глагола *yan-* 'делать' (для переходных глаголов) или *hām-* 'становиться' (для непереходных глаголов) [Emmerick 1968; 1987; Герценберг 1981: 296], например:

- (56) *ne balysu... jsīdu yanīndā*
not Buddha(ACC.SG.MASC) deceive.PP.ACC.SG.NT make.3PL.PRES
'They cannot deceive the Buddha' [Emmerick 1968: 111; 1987: 279].

При непереходном глаголе или при пассивной форме глагола (в данном случае используется вспомогательный глагол *hām-* 'становиться') причастие согласуется с субъектом [Emmerick 1987]. Например:

- (57) *puñīnai haṃbīsā ne*
consisting.in.merit.NOM.SG.MASC heap.NOM.SG.MASC not
haṃkhāṣṭā hāmāte
count.PP.NOM.SG.MASC become.3SG.PRES
'The heap of merit cannot be counted' [Emmerick 1987: 280–281].

Из примеров, приведенных в известных мне исследованиях, следует, что данная конструкция передавала значение как внешней, так и внутренней возможности. Эта конструкция могла выражать не только модальные значения возможности, но и значение давнопрошедшего, например (гlossы мои):

- (58) *ku tta dāstu hāmātu*
когда так появляться.PST становиться.PST.3SG
'when it had appeared thus' [Sims-Williams 2007: 380]

Сходные конструкции со значением возможности существовали также в других среднеиранских языках, в согдийском (54)–(55) и хорезмийском, и были унаследованы некоторыми новоиранскими языками (ср. потенциальные формы в ягнобском, сохранившиеся от согдийского). Потенциальные формы развились также в других восточноиранских (например, в пушту) и в некоторых западноиранских языках, например в татском и белуджском.

8.3. Нахские и абхазо-адыгские языки

В нахских языках для выражения значения возможности может использоваться морфологический показатель *-луо* (чеченский) / *-лу* (ингушский) [Имнайшвили 1977]. В ингушском *-лу* используется для образования непереходных глаголов от прилагательных, а также для образования инцептива. При дативном агенсе значение инцептивного глагола почти всегда связано с (динамической) возможностью [Nichols 2011], например:

- (59) Cynna ghealie uoza-lu
 3S.DAT cigarette smoke-INCP.PRS
 'He manages to smoke. He's able to smoke' [Nichols 2011: 495].

В адыгских языках существует несколько морфологических средств выражения динамической возможности (например, в адыгейском это префикс *фэ-* и суффикс *-шъу*) [Ломтатидзе 1976]. Однако их сфера употребления определяется скорее не семантикой ситуации (как в осетинском), а синтаксическими свойствами предиката. Например, в адыгейском языке префикс *фэ-* в потенциальном значении¹¹ присоединяется только к переходным глаголам [Рогава, Керашева 1966: 279; Летучий 2009: 355]; а показатель *-шъу* может употребляться как с переходными, так и с непереходными глаголами [Рогава, Керашева 1966: 279]. Ср. примеры ниже (гlossы мои)¹².

Переходный глагол

- (60) ащ ар ы-уклы-шъу-шт-эп
 TOT.ERG TOT.ABS 3SG-убивать-POT-FUT-NEG
 'Тот не может убить его' [Рогава, Керашева 1966: 279].

Непереходный глагол

- (61) Сэ сы-кло-жъы-шъу-шт-эп
 я 1SG-идти-RE-POT-FUT-NEG
 'Я не смогу вернуться' [Там же: 279].

Переходный глагол

- (62) сэ ар с-фэ-шхы-шт-эп
 я TOT.ABS 1SG-POT-есть-FUT-NEG
 'Я не смогу кушать то' [Там же: 280].

8.4. Картвельские языки

В ареально близком к осетинскому грузинском, а также в некоторых других картвельских языках грамматическим средством выражения значения динамической возможности является пассив [Шерозия 1984] (ср. русск. *надпись не читается* = 'надпись невозможно прочесть'). Пассивная конструкция может употребляться с отрицанием или без; в качестве частицы отрицания может использоваться только «немодальная» *ar*. Приведем пример из грузинского языка (здесь и далее гlossы мои)¹³:

- (63) am sazogadoba-ši ar še-m-e-svl-eb=a
 этот.OBL общество-в NEG PREF-1SG.O-REL.PASS-идти-SM=3SG
 'Мне не войти в это общество (je ne peux pas entrer dans cette société)' [Vogt 1971: 114–115].

¹¹ Префикс *фэ-*, главным образом, употребляется как бенефактивный показатель. Возможно, не совсем корректно говорить о двух показателях для выражения динамической возможности в адыгейском языке. Однако обсуждение этой проблемы выходит далеко за рамки настоящей статьи (более подробно см. работу [Ландер, Выдрин (в печати)]).

¹² Я благодарен Ю.А. Ландеру за проверку гloss в адыгейских примерах. Любые возможные неточности в гlossах остаются на моей совести.

¹³ Я благодарен А.А. Ростовцеву-Попелю за проверку гloss в грузинских примерах. Любые возможные неточности в гlossах остаются на моей совести.

Значение динамической невозможности может также выражаться лексическими средствами – специальной модальной частицей отрицания (*ver* или *veyar* в грузинском языке, см. пример ниже).

- (64) *veyar* *v-xed-av*
 больше.не.пот 1s-видеть-SER
 ‘Не могу больше его видеть (*je ne peux plus le voir*)’ [Vogt 1971: 218].

9. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ВОЗМОЖНОСТИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В предыдущем разделе было показано, что в ареально и генетически близких к осетинскому языкам не обнаружено двух специализированных морфологических показателей (или двух специализированных грамматических конструкций), сфера употребления одного из которых была бы связана только со значением внутренней возможности, а другого – только со значением внешней. В то же время в восточноиранских языках среднеиранского периода, а также в некоторых современных восточно- и западноиранских языках существует конструкция возможности, которая по своим морфосинтаксическим свойствам напоминает конструкцию внутренней возможности осетинского языка. Как и в осетинском, конструкция возможности в других иранских языках состоит из отглагольного деривата и вспомогательного глагола; как и в осетинской конструкции внутренней возможности, в конструкциях возможности в других иранских языках вспомогательный глагол обычно согласуется в числе и лице с подлежащим (в качестве исключения можно назвать язык пушту, в котором в прошедшем времени используется эргативная конструкция [Грюнберг 1987]). Вышесказанное позволяет выдвинуть гипотезу, что конструкция внутренней возможности либо существовала у предка осетинского языка (по крайней мере со времен среднеиранского периода), либо развилась под влиянием других восточноиранских языков среднеиранского периода. Наиболее вероятным представляется образование осетинской конструкции внутренней возможности из глагола *уæвын* ‘быть’ и целевого значения датива (‘быть для’ или ‘быть созданным для’ → ‘мочь’).

Происхождение второй конструкции осетинского языка, конструкции внешней возможности, неясно. Как было показано в разделе 3, отглагольное имя на *-æн* кроме независимого употребления и употребления в конструкции внешней возможности, используется только в так называемой фацилитивно-дифицитивной конструкции. Фацилитивно-дифицитивная конструкция морфосинтаксически сильно отличается от конструкции внешней возможности [Выдрин (в печати)] и вряд ли напрямую связана с ее образованием. Скорее всего, происхождение конструкции внешней возможности связано опять же с функциями датива и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’. В разделе 3 мы видели, что вспомогательный глагол *уæвын* ‘быть’ может использоваться в посессивной конструкции неотчуждаемой принадлежности, где посессор маркируется дативом, в настоящем времени индикатива в качестве вспомогательного глагола обычно используется экзистенциальная связка *и(с)* (которая также употребляется в конструкции внешней возможности), например:

- (65) *Ныр* *мæнæн* *ис* *æфсымæр*
 сейчас я.DAT EXT брат
 ‘Теперь у меня есть брат’ (Мах дуг. 2001. № 10. С. 34).

Представляется, что конструкция внешней возможности образовалась из конструкции неотчуждаемой принадлежности: глагольный дериват на *-æн* стал обозначать обладаемое, вспомогательный глагол стал употребляться только в форме 3sg, посессор, маркированный дативом, начал выполнять функцию принцепала, семантика конструкции сместилась в зону модальности и в конечном итоге конструкция стала выражать значение внешней возможности. Заметим, что развитие модальных конструкций из посессивных отмечалось ранее на примере других языков. Например, семантическая

карта модальности Й. ван дер Ауверы и В. Плунгяна [van der Auwera, Plungian 1998] указывает на грамматикализацию внешней необходимости из значения 'обладать' (ср. англ. *have* и *have to*); см. также развитие некоторых модальных конструкций из посессивных в балтийских языках [Holvoet 2003; 2007]. Тем не менее в типологии модальности ранее не был замечен случай грамматикализации значения внешней возможности из посессивного значения. Можно предположить, что грамматикализация конструкции внешней возможности в осетинском языке происходила либо через утраченное ныне значение внешней необходимости (т. е. посессив → внешняя необходимость → внешняя возможность; заметим, что такой сценарий развития модальных значений тоже не отмечается на семантической карте модальности), либо непосредственно из посессивного значения. На данном этапе исследования недостаточно материала для установления точного пути грамматикализации конструкции внешней возможности в осетинском языке. Однако оба названные выше пути образования значения внешней возможности (посессив → внешняя возможность; внешняя необходимость → внешняя возможность) могут быть добавлены на семантическую карту модальности как потенциальные пути грамматикализации основных модальных значений.

10. ВЫВОДЫ

В статье были рассмотрены конструкции внешней и внутренней возможности в осетинском языке, описана их семантика и морфосинтаксические свойства. Проведено сравнение двух конструкций возможности в осетинском языке с дативно-инфинитивной конструкцией в русском языке. На примере осетинского языка показан не отмечавшийся ранее в типологической литературе случай выражения значений внутренней и внешней возможности разными специализированными конструкциями. Отмечена уникальность обнаруженных конструкций на кавказско-иранском языковом пространстве.

В статье была предложена гипотеза о происхождении конструкций возможности в осетинском языке. Согласно нашей гипотезе, конструкция внутренней возможности либо существовала в осетинском языке издревле, либо развилась в осетинском под влиянием других восточноиранских языков среднеиранского периода. Представляется, что образование конструкции внутренней возможности связано с грамматикализацией глагола *уæвын* 'быть' и целевого значения датива ('быть для' / 'быть созданным для' → 'мочь').

Конструкция внешней возможности развилась исключительно из данных осетинского языка, а именно либо непосредственно из посессивной конструкции, либо из посессивной конструкции через утраченное ныне значение внешней необходимости.

Представленные в статье факты позволяют дополнить семантическую карту модальности новыми путями грамматикализации, а также на уровне грамматики обосновать выделение основных значений динамической возможности – внутренней возможности и внешней возможности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL – аблатив; ABS – абсолютив; ACC – аккузатив; ALL – аллатив; CNTRF – контрафактив; COM – комитатив; CONJ – конъюнктив; CONTR – контрастивная частица; CP – сложный глагол; DAT – датив; EMPH – эмфатическая частица; ENCL – энклитическое местоимение; EQU – экватив; ERG – эргатив; EXT – экзистенциальная связка; EZF – изафет; FOC – фокус; FUT – будущее; GEN – генитив; IMP – императив; INCP – инцептив; INESS – инессив; INF – инфинитив; ITER – итератив; MASC – мужской род; NEG – отрицание; NMLZ – номинализация; NOM – номинатив; NT – средний род; O – объект; OBL – косвенный падеж; OPT – оптатив; PART – причастие; PASS – пассив; PL – множественное число; POSS – посессивность; POT – потенциалис; PP – причастие прошедшего времени; PREF – преверб; PREP – предлог; PRS (PRES) – настоящее; PST – прошедшее; REFL – рефлексив; RE – реверсив/рефактив; REL.PASS – релятивный пассив; S – субъект; SER – серия; SG – единственное число; SM – тематический суффикс; SUBJ – сослагательное наклонение; SUPER – суперэссив; TR – переходность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1959 – В.И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Л., 1959.
- Ахвледиани 1963 – Г.С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1963.
- Багаев 1965 – Н.К. Багаев. Современный осетинский язык. Т. I. Орджоникидзе, 1965.
- Бенвенист 1965 (Benveniste 1959) – Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
- Бонч-Осмоловская 2003 – А.А. Бонч-Осмоловская. Конструкции с дативным субъектом в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Выдрин 2011 – А.П. Выдрин. Система модальности осетинского языка в типологическом освещении. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
- <http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>
- Выдрин (в печати) – А.П. Выдрин. Редкий случай грамматикализации модального значения в осетинском языке // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta linguistica petropolitana. Труды ИЛИ РАН. В печати. <http://www.ossetic-studies.org/vydrin/index.php/publications/>
- Выдрин, Ландер (в печати) – А.П. Выдрин, Ю.А. Ландер. Неканоническое маркирование субъекта ситуации в языках Северного Кавказа: модальные конструкции // Эргатив и эргативная конструкция в иберийско-кавказских языках. В печати.
- http://ossetic-studies.org/biblio/10-modal_non-canonical.pdf
- Гагкаев 1952 – К.Е. Гагкаев. Очерки грамматики осетинского языка. Дзауджикау, 1952.
- Герценберг 1981 – Л.Г. Герценберг. Хотаносакский язык // В.С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Гращенков 2010 – П.В. Гращенков. Сложные предикаты в осетинском языке // Бюллетень Общества востоковедов РАН. Вып. 17: Труды межинститутской науч. конф. «Востоковедные чтения 2008». М., 2010.
- Грюнберг 1987 – А.Л. Грюнберг. Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987.
- Гуриев 2004 – Т. А. Гуриев (ред.). Осетинско-русский словарь. Владикавказ, 2004.
- Имнайшвили 1977 – Д.С. Имнайшвили. К образованию переходности и потенциалиса в отыменных глаголах нахских языков // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1977. № IV.
- Исаев 1987 – М.И. Исаев. Осетинский язык // В.С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: восточная группа. М., 1987.
- Исхаков 1977 – М.М. Исхаков. Глагол в согдийском языке (документы с горы Муг). Ташкент, 1977.
- Кибрик 2005 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2005.
- Летучий 2009 – А.Б. Летучий. Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // Я.Г. Тестелец (отв. ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М., 2009.
- Лившиц, Хромов 1981 – В.А. Лившиц, А.Л. Хромов. Согдийский язык // В.С. Расторгуева (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
- Ломтатидзе 1976 – К.В. Ломтатидзе. Категория потенциалиса (возможности) в картвельских и абхазо-адыгских языках // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. 1976. № 3.
- Миллер 1962 – Вс.Ф. Миллер. Язык осетин. М.; Л., 1962.
- Островский 2008 – Б.Я. Островский. Модальные глаголы языка дари. М., 2008.
- Рogaва, Керашева 1966 – Г.В. Рogaва, З.И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Майкоп, 1966.
- Таказов 1992 – Х.А. Таказов. Категория глагола в современном осетинском языке. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1992.
- Техов 1970 – Ф.Д. Техов. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси, 1970.
- Чёнг 2008 – Дж. Чёнг. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ; Цхинвал, 2008.
- Шерозия 1984 – Р.Р. Шерозия. Категория потенциалиса в картвельских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.
- Шёгрэн 1844 – А.М. Шёгрэн. Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. СПб., 1844.
- Belyaev 2010 – O. Belyaev. Evolution of case in Ossetic // Iran and the Caucasus. 2010. № 14.
- Benveniste 1954 – E. Benveniste. Expression de 'pouvoir' en iranien // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. 1954. V. 50. № 1.
- Benveniste 1959 – E. Benveniste. Études sur la langue ossète. Paris, 1959.

- Bybee et al. 1994 – *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Cheung 2008 – *J. Cheung*. The Ossetic case system revisited // *A. Lubotsky, J. Schaeken, J. Wiedenhof* (eds). Evidence and counter-evidence: Essays in honour of Frederik Kortlandt. Amsterdam; New York, 2008.
- Emmerick 1968 – *R.E. Emmerick*. Saka grammatical studies // London oriental series. 1968. V. 20.
- Emmerick 1987 – *R.E. Emmerick*. Auxiliaries in Khotanese // *M. Harris, P. Ramat* (eds). Historical development of auxiliaries. Berlin; New York; Amsterdam, 1987.
- Fortuin 2000 – *E. Fortuin*. Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian. Doctoral dissertation. Amsterdam, 2000. http://www.hum2.leidenuniv.nl/pdf/S&R/fortuin_polysemy_and_monosemy_dissertation.pdf.
- Fortuin 2005 – *E. Fortuin*. From necessity to possibility: the modal spectrum of the dative-infinitive construction in Russian // *B. Hansen, P. Karlik* (eds). Modality in Slavonic languages. New Perspectives. München, 2005.
- Gershevitch 1961 (1954) – *I. Gershevitch*. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1961 (reprint from the 1954 edition).
- Hettich 2002 – *B. Hettich*. Ossetian: Revisiting inflectional morphology. Master thesis. Grand Forks, 2002.
- Holvoet 2003 – *A. Holvoet*. Modal constructions with 'be' and the infinitive in Slavonic and Baltic // *Zeitschrift für Slawistik*. 2003. V. 48. № 4.
- Holvoet 2007 – *A. Holvoet*. Mood and modality in Baltic. Krakow, 2007.
- Kiefer 1981 – *F. Kiefer*. What is possible in Hungarian? // *Acta linguistica academiae scientiarum hungaricae*. 1981. T. 31. № 1–4.
- Kiefer 1988 – *F. Kiefer*. Ability and possibility: the Hungarian verb *tud* 'to be able to' // *Studies in language*. 1988. V. 12. № 2.
- Maurice 1995 – *F. Maurice*. Zur Verteilung von Möglichkeit und Notwendigkeit im russischen modalen Infinitive // *H. Dippong* (ed.). Linguistische Beiträge zur Slavistik. München, 1995.
- Maurice 1996 – *F. Maurice*. Der modale Infinitiv in der modernen russischen Standardsprache. München, 1996.
- Nichols 2011 – *J. Nichols*. Ingush grammar. Berkeley; Los Angeles; London, 2011.
- Nuyts 2005 – *J. Nuyts*. The modal confusion: on terminology and the concepts behind it // *A. Klinge, H.H. Müller* (eds). Modality: studies in form and function. London, 2005.
- Nuyts 2006 – *J. Nuyts*. Modality: overview and linguistic issues // *W. Frawley* (ed.). The expression of modality. Berlin; New York, 2006.
- Palmer 2001 – *F.R. Palmer*. Mood and modality. Cambridge, 2001.
- Rubinstein 1986 – *G. Rubinstein*. Subjective dative in Russian infinitival clauses of purpose // *Slavic and East European journal*. 1986. V. 30. № 3.
- Sims-Williams 2007 – *N. Sims-Williams*. The Sogdian potentialis // *M. Macuch, M. Maggi, W. Sundermann* (eds). Iranian languages and texts from Iran and Turan. Ronald E. Emmerick memorial volume. Wiesbaden, 2007.
- Traugott 2006 – *E.C. Traugott*. Historical aspects of modality // *W. Frawley* (ed.). The expression of modality. Berlin; New York, 2006.
- van der Auwera, Plungian 1998 – *J. van der Auwera, V. Plungian*. Modality's semantic map // *Linguistic typology*. 1998. V. 2.
- Vogt 1971 – *H. Vogt*. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971.
- Weber 1981 – *D. Weber*. Beiträge zur historischen Grammatik der Ossetischen // *Indogermanische Forschungen*. 1981. Bd. 5.

Сведения об авторе:

Арсений Павлович Выдрин
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург
senjacom@gmail.com

Статья поступила в редакцию 31.01.2012